

ПРОЦЕСС ЕСТЬ РЕЗУЛЬТАТ

С середины шестидесятых, на которые пришлось мое отрочество, меня серьезно интересовало человеческое поведение. Могут ли существовать система, техника, вещество, система верований, дисциплина, способные перепрограммировать закостенелые, унаследованные паттерны поведения? Есть ли на свете способ освободиться от контроля, избавиться от навязчивых или ответных действий? Способны ли мы осознанно перестроить своё Я, чтобы до предела увеличить его потенциал и, как следствие, наше удовольствие от жизни? Изыскание всей моей жизни – направленная сосредоточенность и изменение способов восприятия. Принципиально ставить под вопрос каждый статус-кво и никогда не останавливаться, никогда не допускать и не воображать, что задача переосмысления имеет предел. Непрестанное изменение с целью радикальной, положительной и раскрепощающей трансформации человеческого вида – суть и мотивация моего творчества во всех его аспектах. Помимо этой эстетической и философской одержимости, нашим проектам сопутствовала странная, синхроничная, параллельная, почти симбиотическая серия сходств в критических точках трудностей и проблем с медиа, выглядящих как рекомендации и комментарии к истории Церкви Процесса Последнего Суда. Процесс оказал такое сильное влияние на мой личный жизненный путь, что стал ценным руководством по стратегическому исправлению серьёзных конфликтов с «контролем». В другое время я пользуюсь архивами и документами Процесса как средствами для разрешения проблем. Это постепенное, но постоянное освоение моего, возможно, превратно истолкованного, субъективного понимания Процесса имеет почти пророческое качество: иногда оно намекает, что нам следует делать, а иногда – показывает, что делать не следует, относительно того, как изменять ошибочные восприятия, порожденные доминирующей, установившейся монолитной культурой в любой момент времени.

Чтобы в какой-то мере увязать непрерывное взаимодействие Процесса с ключевыми моментами моей жизни, необходимо немного предыстории.

Первое упоминание Процесса, о котором нам известно, появилось в раннем выпуске журнала *OZ*, самом психоделичном и безумном андеграундном издании 60-х и 70-х. Белая печать на желтом фоне, усеянном зелёной графикой стиля ар-нуво производила эффект, не уступающий настоящему кислотному трипу. Автор статьи в *OZ* несколько напыщенно предупреждал «фриков», что Процесс – это злокозненный культ «контроля сознания», преисполненный деспотичных психотерапевтических технологий и тайного корыстолюбия. Нечего и говорить, так часто бывает: чем ярче были описания группы, чем загадочнее обвинения, тем сильнее мы увлекались. Позже, оглядываясь назад, мы понимали, что многочисленные сладострастные статьи, которые мы находили невероятно притягательными, раздували сенсацию из расследований, связанных с Процессом.

Одним из способов, которыми мы с друзьями добывали деньги на гашиш, была продажа на улице журналов, выросших из пост-кислотной контркультуры шестидесятых: “*OZ*” и “*International Times*”. И ещё мы торговали книгами. Мы ввали родителям, что отправимся на поезде в Лондон посмотреть выставку Магритта в галерее Тейт, а остановимся у бабушки и дедушки друга в районе Лондона Пурли. Затем мы сходили с автобуса возле трассы и ехали в Лондон автостопом, таким образом экономя деньги на еду, развлечения и концерты. Правильно рассчитав время, можно было всю ночь провести на устланном матами полу кинотеатра Лаборатории Искусств на Друри-Лейн. Дни же мы проводили, ворюя книги на Тотенхэм-Корт-роуд. Мы предпочитали поэзию битников, изданную *City Lights*, У.С. Берроуза, Жана Жене, Генри Миллера, маркиза де Сада и им подобных. Ночи проводились в Лаборатории Искусств, клубе UFO, а позже – в сквотах на Друри-лейн и Пиккадилли.

Наша жажда новых идей, альтернативных философий, наркотической чувственности и альтернативных сообществ и образов жизни была неутолима. Юные мечтатели, мы искали новизны ради новизны и сверхчувственного восприятия.

Однажды на выходных мы болтались возле магазина Granny Takes a Trip на Кингс-роуд (там продавались наимоднейшие наряды детей цветов), с воодушевлением изучая изобилие шёлков и бархатов, парчи и этнических украшений, и увидели странно одетого парня. У него были длинные волосы и борода – привычная картина в то время, но он был ухожен и одет в плащ-накидку поверх тёмной одежды. Я почувствовал в нём полную противоположность буйству цветов и непринуждённости типичного хиппи. Я вроде и хотел с ним заговорить, но что-то не давало мне этого сделать: возможно, отсутствие денег, поскольку я уже мог увидеть, что он продавал журнал. Я был достаточно близко, чтобы увидеть, что это был не “OZ” или “International Times”, но яркий, цветной номер журнала Процесса. До сих пор я не могу себе объяснить, почему меня так глубоко тронуло это незначительное событие, но на каком-то подсознательном, внутреннем уровне интуиция подтолкнула меня поставить себе задачу: попытаться узнать побольше об этой обливаемой грязью группе. Что было в них такого, что объединило разрозненные и противоречивые элементы контркультуры, вызывая обвинения и паранойю? В конце 1969 года я понял, что Процесс был той же группой, которую британская бульварная пресса называла «Мэйфэйрскими гипнотизёрами», приписывая им влияние на семью Мэнсонов и, позже, Сына Сэма, и неизвестно что ещё. Процесс стал буквой в образе нео-хиппи! Каждый, кто способен на таком глубоком уровне пошатнуть самодовольство общества, находил отклик в моей непреодолимой тяге развеять лицемерие и ханжество, условные реакции и навязанные поведенческие модели, чтобы попытаться создать самостоятельно выбранную идентичность, освободившую бы мой максимальный личный потенциал и сделавшую бы мою жизнь разворачивающимся, автономным нарративом, написанным моими осознанными выборами.

В 1969 я жил в Exploding Galaxy в Ислингтоне (Лондон), невероятно требовательной коммуне, претендовавшей на всё моё творчество, личность и будущее. Мы пытались разрушить как можно больше унаследованных ценностей, предубеждений, гендерных ролей, стереотипов и навязанных социальных ролей, пытаясь изолировать *любые* привычки или предположения относительно поведения.

Потом я основал COUM Transmissions, перформанс-арт-группу, которая на протяжении первой половины 70-х всё глубже и глубже исследовала архетипы личности и социальные, особенно сексуальные табу и ограничения. Мы хотели создать морально чистый лист, на котором мы, и только мы разработали и воплотили бы независимо сконструированную личную идентичность. Мы публично исследовали всё более интимные вещи, СМИ начали писать о нашей работе с растущей неприязнью, а в октябре 1976 года состоялась наша выставка “Prostitution” в галерее Института современного искусства в Лондоне, смысловое содержание которой скрылось под волной ярости, отвращения и клеветы, изобретательных и злостных обвинений. Я всегда считал, что скандал происходит, когда художник или деятельность какого-то рода обнажает устаревание того или иного общепринятого нравственного соглашения. Можно было полагать, что, вызвав скандал в неоморалистских СМИ, наше стремление обнародовать устаревшие условности, вредные для личностного потенциала и подчиняющие надежду иерархическому «высшему благу», достигнет цели и утратит актуальность. Я наивно полагал, что разрушение нездорового статуса-кво было самоцелью. Что анархия всегда лучше инерции. Но я ошибался.

Когда ты становишься героем сенсационных разоблачений желтой прессы, высмеивающей и искажающей твои идеалы, чтобы намеренно отвратить публику от искренних и оптимистичных намерений, замечаешь: то, что ты хотел сказать, теряется в истеричном шуме клеветы. Пережив такой опыт, я вспомнил о том, что Процесс подвергался даже более экстремальным клеветническим кампаниям. Можно ли было из того, что случилось с ними, вывести стратегию, которой я мог бы воспользоваться или извлечь из неё урок? Нет, но вследствие этого я задумался о возможных будущих конфликтах с аппаратом, и о том, можем ли мы как-то подготовиться, чтобы избежать губительных последствий

ревностных и беспощадных нападков правящих сил, этих серых существ, наделенных привилегиями и влиянием, которые они хотят сохранить за собой.

Я понимал, что если моя жизнь и творчество будут развиваться в направлении, диктуемом моими мыслями, вряд ли удастся избежать попыток подвергнуть цензуре мои идеи и заставить меня замолчать.

В 1981 году я негласно исследовал феномены, спонтанно происходившие во время самых экстремальных, изматывающих физически и длительных арт-перформансов. Иногда я говорил языками, не реагировал на боль, достигал «шаманского» измененного состояния сознания, испытывал выход из своего тела, растяжение и сокращение времени. Для меня эти случайные и неконтролируемые события несли характер откровения. Кроме того, они были необычайно личными. Поэтому я начал серию контролируемых ритуалов в интимной обстановке, в сакральном месте с помощью талисманов, эмбиента собственного сочинения, благовоний, свечей и сенсорной депривации. Когда я записывал *Dreams Less Sweet*, я купил гроб, и иногда, употребив высокую дозу психоделиков, проводил в нём по несколько часов связанным и завернутым в волчий шкуру.

Кроме того, я начал изучать западную магию, в частности, труды Остина Османа Спейра. Тогда же мне попала книга У. С. Бейнбриджа «Мощь Сатаны», «основанная» на деятельности Процесса, и это еще сильнее разожгло мой интерес к этой группе. Я и так чувствовал определенное родство между нами после того как стал жертвой лживых СМИ за свой образ жизни и попытку объединить жизнь и творчество в освобождающее и прогрессивное целое. В 1981 году мы с Алексом Фергюсоном основали Psychic TV, планируя очередной многогранный проект. Зимой я вёл долгие разговоры со своим великолепным соавтором Монте Казазза, обсуждая, что может быть, если рок-группа станет не просто рассматривать своих поклонников как источник дохода и поднятия самооценки, а направит это восхищение и энергию на создание сообщества, которое будет задавать направление в вопросах культуры и образа жизни. Что случится, если мы создадим вооруженную оккультную организацию, использующую демистифицированные магические техники? Аннотации на конвертах пластинок могли бы стать манифестами, призывами к действию и бунту. Со временем мы стали более серьезно относиться к этой мечте. Мы изучали Процесс, в частности, ради находок в эстетике культа. Нам нужна была идеология для вовлеченных, уровни, которых будут достигать, секреты, которые будут открываться, символы и униформы, ритуальные предметы и внутренние тексты.

Мы назвали свою экспериментальную организацию Храмом Психической Юности. В прошлом мы занимались мейл-артом, и это дало нам базу для рассылки флаеров и проспектов. Мои исследования ритуального и направленного оргазма стали центральной деятельностью: 23 месяца подряд каждое 23 число в 23:00 по Гринвичу нужно было создавать сгиллы. Благодаря Процессу мы поняли необходимость логотипа, символа. Я разработал Психический Крест: вертикальная линия и три горизонтали, центральная из них короче двух других. Все линии были в пропорции 2 к 3. Здесь я впервые открою один свой тайный замысел: если вы определенным образом расположите психические кресты, в промежутках вы увидите символы Процесса. Если расположить их иным образом, в промежутках вы увидите свастики. Психический Крест – это невербальный логотип, объединяющий любую деятельность, желания, произведения и творческую активность, воплощенные во имя него. Я хотел отдать должное Процессу, пусть и неочевидным образом.

Одна наша подруга была великолепной швеей. Она шила нам серые военные штаны, и мы носили их с армейскими ботинками и серыми пасторскими рубашками, которые покупались у католических поставщиков. На куртки и рубашки прикреплялись нашивки в форме *vesica piscis* с Психическим Крестом и числом 23. Наконец, мы еще раз обратили внимание на Процесс и поняли, что длинные волосы и бороды хоть и были обычным явлением в 1960-х, *en masse* они производили сильное впечатление. Причёска ТОРҮ представляла собой длинный и чувственный хвост на затылке, а остальные волосы

сбрасывались, отсылая к аскетическим духовным дисциплинам. Аскетичное и роскошное, вечный баланс и/или противоречие. Психический Крест оказался быстрой и эффективной стратегией для того, чтобы произвести впечатление серьёзного, целенаправленного, воинственного сообщества. Образ адепта Психической Юности был таким эффектным, что его охотно и очень быстро перенимали как мужчины, так и женщины. Даже в большой толпе впечатление, которое производили несколько адептов Психической Юности в полном облачении, было гораздо сильнее, чем можно было бы ожидать от группы такого размера.

За границей о ТОРУ узнавали в основном благодаря пластинкам. Мы начали получать вопросы из США и Канады, затем Франции, Германии, Швеции, и так далее. Это значит, что о нас многие узнавали из СМИ, причём в первую очередь любители музыки, а не серьёзные искатели оккультного знания и техник. Из-за этих представителей нашего сообщества, местами бывших полными дилетантами, более устоявшиеся магические братства и практикующие относились нам без особенного доверия. Сами мы изначально создавали ТОРУ, чтобы посмотреть, что будет, если объединить, лишив иерархии, популярную культуру и демистифицированные оккультные и шаманские практики. К каким оккультным последствиям приведёт одновременная мастурбация нескольких сотен или тысяч человек по всему миру, объединённых общим желанием и целью? Раньше такого никто не делал, и мы исследовали эффективность подобных техник. Но нас становилось всё больше, нужно было придумывать новые структуры и решения для управления ТОРУ, и мы начали искать помощи и подсказки извне. Я продолжал интересоваться Процессом, и в итоге собрал все публикации, подшивки газет, папку с информацией, полученной по официальному запросу и всё, что о них можно было купить у продавцов редких книг в Европе и США. Я начал читать журналы Процесса, полный комплект которых отсканировал наш друг, и книги, среди которых были «Выход», «Человечество – это зло», «Сатана в битве», даже стенограмму допроса байкеров после убийств Мэнсонов, которые для меня достал друг, журналист из университета Халла.

Стало ясно, что для того, чтобы развиваться и сохранять свою актуальность и яркость, ТОРУ должен предоставить образец жизненного уклада. Хорошо это или плохо, но Процесс достиг успеха, поскольку наряду с исследованием духа и разума предлагал **всеохватывающий строй жизни**. Для того, чтобы изъяны поведения и личности стали явными, чтобы стали возможны кардинальные прорывы, члены группы должны полностью посвятить себя группе и бесстрашно поддаться испытаниям и инновациям, даже с риском распада личности и психического истощения. Трансформация личности может произойти только при готовности пожертвовать всем, включая предыдущую личность и место в существующем положении вещей. Главное – разорвать старые заикленности и укоренившиеся паттерны. ТОРУ обнаружил, что некоторые были так недовольны своим душевным состоянием, отсутствием магии (во всех смыслах) и единения с другими, устаревшими сексуальными ролями, гендерными ожиданиями и архетипами, что они *были* готовы принять куда более близкий к Процессу подход к этому зарождающемуся сообществу. Изучая издания Процесса, и, возможно, своеобразно интерпретируя послы и структуры, используемые ими, мы начали перебираться в Брайтон (Англия). Почему Брайтон? Нам была нужна подходящая обстановка для моих дочерей, Каресс и Женесс. Кроме того, ещё с шестидесятых и даже раньше Брайтон отличался альтернативной культурой и либеральными идеями. Мы с семьёй и ещё двое преданных членов ТОРУ купили в Брайтоне георгианский особняк с отдельной квартирой. Сестра Шедоуз и Брат Вордз продали свой дом в Лондоне, как и мы, и переехали в дом по соседству, на той же улице. В Лондоне осталась Станция ТОРУ (главная штаб-квартира, которая курировала местные Точки Доступа по всей стране или даже дальше) по адресу Бек-роуд, 50, Хакни, где жили и работали несколько членов ТОРУ, и где до сих пор действовала наша первая Детская (Детская, комната в доме ТОРУ, была отведена исключительно под магические ритуалы и сигилизацию). На Станции ТОРУ в Лондоне Детская была отделана в стиле готического барокко и укомплектована старым викторианским

зубоврачебным креслом, на котором его владелец совершал преступления сексуального характера, пока его не поймали и не приговорили к заключению. Вскоре после того, как члены ТОРҮ, соответствовавшие Омеге Процесса, перебрались в Брайтон, за нами последовал поток идейных членов ТОРҮ. Вскоре они заселили пять домов, не считая Станцию ТОРҮ в Лондоне. Мы поняли, что нужно всех чем-то занять, и что у нас появилась изумительная возможность круглые сутки жить жизнью Храма Психической Юности и разрабатывать ее уклад. Процессу отдали должное. По понедельникам мы начали проводить совместные трапезы. Домохозяйства по очереди готовили еду на всех, потом появилось больше систем. Как Процесс вводил дополнительные структуры и дисциплины по мере надобности, и на долгих встречах первооснователей Мэри Энн и Роберт записывали идеи, наблюдения и концепции, так и мы обсуждали проблемы, возникающие в ходе совместной жизни, сексуальные разногласия, чистоту групповых сигилл в противоположность их распутному использованию, и новые модели структуры команды. В частности, я обратился к своему опыту проживания в коммунах на протяжении большей части жизни, сначала The Exploding Galaxy, потом The HoHo Funhouse, после него – COUM Transmissions, и теперь ТОРҮ.

Одним из мощных и приносящих удовлетворение упражнений была История Жизни. По понедельникам одну личность выбирали (или она вызывалась сама), чтобы она рассказала историю своей жизни: по правилам, *ничего* нельзя было скрывать, каким бы оно ни было огорчительным, унижительным, травматичным или угнетающим. *Всю* правду. Обычно люди рассказывали свою настоящую историю впервые в жизни. Таким образом мы так много узнали друг о друге, мы узнали, почему у нас появились те или иные проблемы, привычки, положительные и отрицательные причуды и личные заикленимости. Перебивать было нельзя, но в конце разрешалось задавать вопросы, на которые необходимо было ответить, какими глубоко личными они бы ни были. Первые истории дались нелегко. Но после того как один или два человека рассказали о своём сокровенном опыте, другим стало легче участвовать. Мы узнали, как много мальчиков и девочек сталкивались с сексуальным насилием, часто в сочетании с физическим.

Раскрытие этого распространенного социального уродства, от которого пострадали мы все, связало нас и породило сильную взаимную преданность внутри брайтонского состава ТОРҮ. Наше взаимное сочувствие углубилось и все эти годы нас связывала искренняя и взаимная дружба.

В ТОРҮ входили гетеросексуальные пары в «открытых» отношениях, гомо- и гетеросексуальные моногамные пары, транссексуалы и довольно много пар с детьми и матерей-одиночек. Во времена ТОРҮ мы особенно активно посещали другие коммуны; в частности, мы сблизились с Zendik Farm, коммуной/культом с корнями, уходящими в Лос-Анжелес кислотных 60-х, и акцентом на органическое фермерство и экологическое просвещение; мы изучали семью Мэнсонов, мунитов, «Детей Бога», Джима Джонса, «Семью Источника», «Кокеток», и познакомились с обитателями ранчо «Утренняя звезда» (ещё один островок шестидесятых в округе Сонома). Многие эти коммуны экспериментировали с отлучением детей от биологических родителей, чтобы избежать наследственных условных реакций и эмоциональной зависимости – хотя мне интересно, не было ли это осознанной или нет попыткой обеспечить верность группе, что подразумевает и верность гуру/лидеру/номинальному руководителю/просвещенному сверхсуществу, тем самым заполучив новых, еще более фанатичных последователей, не знавших другого образа жизни или системы верований. Тимоти Уилли признает, что Процесс относился к детям небрежно и, вероятно, довольно плохо, поскольку в них видели практически помеху духовному развитию отдельных членов и нечто неприятное, и считает это весьма постыдным.

К счастью, поскольку у меня самого было две дочери, Каресс и Женесс, детям находилось место в нашем образе жизни, как бы он ни менялся. Нам казалось естественным, что и моих дочерей, и нескольких других детей приняли как особых, но полноценных

личностей. Для каждого ребёнка мы провели церемонию наименования, они принимали участие в съёмке фильмов и записи пластинок. Единственное, что предписывалось при общении с ними – говорить на том же языке, на котором этот же вопрос обсуждался бы со взрослым. Поскольку в ТОРҮ всегда было с кем оставить ребёнка, у матерей появилось гораздо больше времени для учёбы и творческой деятельности. Каресс и Женесс ездили в туры с Psychic TV в сопровождении квалифицированной воспитательницы детского сада, нянечки из рядов ТОРҮ. Среди их самых любимых и ярких детских воспоминаний – то, как в 1966 году они колесили по США и Канаде в школьном автобусе, купленным ТОРҮNA (ТОРҮ North America) для тура “Even Further”, и как все там с ними носились.

В 1988 в Брайтоне появился новый сегмент Станции ТОРҮ под названием Круг Кали, группа только для женщин. Как это часто происходит в сплоченном сообществе, Кали заметили, что стали менструировать в одно и то же время, их биологические часы синхронизировала близость, усиленная ежемесячным интимным ритуалом сублимации. Как это часто случается, Идены замечали, что каждый месяц у Кали одновременно портилось настроение, и они становились более нетерпимы к глупости, придиркам и критике! Изучая и обсуждая женские магические силы и глубокое алхимическое значение менструальной крови, все предложили в порядке эксперимента рассматривать это время месяца как возможность обуздать такую невероятную силу, вместо того чтобы бороться с ней или пугаться перемен в поведении Кали.

Круг Кали стал автономным, закрытым для биологических мужчин и самоопределяемым. Чтобы показать, что произошла активация через менструацию в группе, женщины ТОРҮ надевали на левое запястье красную нить. В «красное» время любое вызывающее, странное или резкое поведение принималось автоматически. Кали оставляли в покое, чтобы дать им возможность направить свой гормональный *дар* на творческую, умственную или физическую деятельность, относительно которой им не задавали вопросов. Ко всеобщему удивлению, биологических мужчин это избавило от неуверенности и страха, что претензии предъявляются к ним лично, а биологических женщин – от вины и ограничений, которые сдерживали их поведение и поиски, поскольку другие члены ТОРҮ брали на себя *любые* их ежедневные обязанности во время «благословенного» состояния силы.

В ТОРҮ самой эффективной и благородной методологией считалась взаимная помощь и поддержка, которую оказывали кому угодно любой ценой. Мы исходили из того, что если добровольно делиться всеми нашими умениями, имуществом и ресурсами, все мы сможем вести образ жизни, иначе нам недоступный. В Брайтоне, например, в распоряжении членов ТОРҮ были пять домов с садами, большим джакузи, полностью оборудованные кабинетами, оснащением для записи музыки и видео, а также дома в США, Канаде, Германии, Голландии и так далее – вместо комнаты в квартире с соседями, если бы они жили сами по себе. Совместное пользование дало возможность нам всем жить как миллионеры. Несколько членов ТОРҮ четвёртого уровня стали кочевниками, и путешествовали по сети Точек Доступа, обменивая свой труд и умения на кров. Самые известные из них – Борис из ТОРҮ Ругomania, который и по сей день продолжает странствовать между домами представителей (нового) Храма Психической Юности, и Элис Трип Де Гейн, ставший талисманом удачи для Psychic TV and PTV3. Он сопровождает PTV3 в турах в качестве помощника, архивариуса и доверенного лица. С самого начала мы надеялись, что Психический Крест станет знаком надёжности и готовности оказать поддержку, отмечающим тех, кто его носит. Мы слышали сотни историй о том, как в разных местах люди, оказавшиеся в затруднительном положении или крайней нужде, видели на тех, кто их спас и помог им, Психический Крест в виде татуировки, булавки, или на одежде. Это чудесный феномен.

Один из методов, который мы напрямую позаимствовали у Процесса – сеансы развития телепатии. По понедельникам трапезы ТОРҮ начинались с благословения: «Это мой Крест, это моя Жизнь, это моя Мудрость». Затем мы брались за руки, сидя вокруг стола или, если

было слишком много людей, в большой гостиной. Все, даже дети, закрывали глаза и сосредотачивались приблизительно на десять минут, после чего все, кто видел какие-то образы, зарисовывали их в книге. Мы обнаружили, что через несколько месяцев увеличилось количество сходств. В частности, однажды почти половина присутствующих увидела образ, в котором присутствовал лев. Истина и единение шли рука об руку. Особенно устойчивыми и долговечными были они у членов ТОРУ, участвовавших в совместной сублимации.

В каждом доме ТОРУ была «детская», отведенная для производства, поддержания и усиления психической и магической энергии. Мы искренне верили, что нам являлись настоящие видения, что мы выходили из тела, видели порталы между измерениями и чувствовали постоянную связь с некой силой или феноменом, который, нам казалось, определенно был связан с синхроничностью. Нам казалось очевидным, что упорное повторение лично разработанного магического языка и набора объектов-талисманов могут буквально *направить руку случая*. Кроме того, мы были убеждены, что если с помощью оргазма в некотором роде «закрепить» желание глубоко в сознании, обойдя социальные барьеры и фильтры, ломаются обычные законы вероятности и усиливается эффективная целенаправленность, отчего вероятность желаемого возрастает, пока вы продолжаете использовать сгиллы для подкрепления своей воли. Развевались скрытые фобии и неврозы, исчезали несовместимости, отпадали искажения и эмоциональный багаж. Разум начинал делать повседневный практический выбор, который максимально способствовал достижению волевого желания, усиленного нашим бытием, нашей осознанностью, находящейся на различных уровнях, что приводило к всё большему успеху в работе, развлечениях и отношениях. Сексуальный оргазм как перепрограммирование – не новая идея, но ТОРУ отказался от элитистских структур, заставлявший людей платить за каждый новый уровень *тайн*, в которые посвящены только члены данной группы; мы избавились от умышленного запутывания, преднамеренной театральности и абракадабры, предали гласности «секрет веков», «девятый уровень Ордена восточных тамплиеров» и «тантрическую суть» и раздавали всё даром, публично признавая, что сексуальная магия играет ключевую роль для нашего современно-окультурного образа жизни. Это стало причиной и нашего успеха, и нашего падения.

Храм Психической Юности был экспериментальным сообществом и организацией, которая всерьез воспринимала практику магических техник как средство для того, чтобы освободиться от контроля: У. С. Берроуз подтолкнул меня сделать это своим основным интересом. Живя в Exploding Galaxy, я прошёл краткий курс избавления от буржуазных ценностей и унаследованных способов бытия с использованием грубых техник разрушения приспособительных реакций и групповых сессий, в ходе которых кого-то одного осмеивали и подвергали эмоциональной травле за любые визуальные или физические повторяющиеся модели поведения. Почему твоя причёска такая же, как и вчера? Почему ты спал там же, где и в прошлый раз? Зачем тебе нужна одежда? Ножи и вилки? Писать по горизонтали? И так далее, пока личность не обрушивалась, а на ее месте, как мы надеялись, должна была возникнуть постоянно регенерирующая форма созидания и исследования, которая ничего не принимала бы как должное. Так COUM Transmissions изолировали символическую идентичность и искали методы для деконструкции идентичности и привычных типов индивидуализированной личности. У COUM были костюмы, представлявшие различные архетипы. Например, Чопорная Гарриет, ограниченная старушка, возмущённая всей современной жизнью, всегда уверенная, что прошлое было лучше настоящего, винящая всех и вся в том, что ее раздражает. Мистер Инопланетный Мозг был гостем из другого измерения, который наблюдает за человечеством и анализирует его с внеземной антропологической перспективы, дивясь саморазрушительным человеческим поступкам. Его приводили в недоумение война, насилие, жадность, религия, сексуальная вина и коммерция. ТОРУ пытался разрушить личные привычки и предубеждения, стереть все культурные императивы, чтобы создать автономное пространство, в котором практикующие могли

индивидуализировать собственную личность и создать собственный, полностью выбранный нарратив.

ТОРҮ разросся сильнее, чем я мог себе представить, несмотря на строгое требование предоставить ряд документов сексуальной магии, заряженных оргазмической жидкостью, кровью, слюной и волосами. Эти сигиллы начинались как метод самоанализа с целью найти *истинные* сокровенные желания и амбиции, но с течением времени они сместились от более приземленных желаний сексуальных партнеров и денег к более эзотерическим целям, которые анализировали поведение, происхождение жизни, материи и сознания. Используя слово и образ, большинство личностей создавали символические знаки и невербальные системы, чтобы картографировать природу времени, экзистенции и восприятия. Мы вместе прошли этот путь, это был наш общий процесс, и он привёл меня к другому, первоначальному Процессу. Когда мы писали эссе и стихи для рассылки, делясь друг с другом своими теориями и опытом, мы начали добавлять девиз:

*ПРОЦЕСС ЕСТЬ РЕЗУЛЬТАТ или
РЕЗУЛЬТАТ ЕСТЬ ПРОЦЕСС*

Спустя год после запуска этой интерактивной системы мы начали ежемесячно получать сигиллы от нескольких сотен людей. У нас просили всё больше и больше информации об «интуитивной магии», как мы это назвали. Сигиллы оказывались эффективными чаще, чем это могла объяснить какая-либо математическая формула случайности. Желание выражалось в сигилле с добавлением оргазмической жидкости и прочего, и начинало исполняться. Проект разросся очень быстро. Мы больше не могли отвечать на все письма, и импровизировали.

Самым воодушевлённым Личностям, которые выходили на связь, мы сообщали, что это открытая система, программа, генерирующая сама себя. Так появились Точки Доступа – подгруппы членов ТОРҮ, которые занимались сигиллами, вопросами и предложениями в своём регионе

За почтовые и печатные услуги нужно было платить всё больше, возникла потребность в финансировании, и так появились ТОРҮ Benefits и атрибутика Храма Психической Юности. Это, в свою очередь, сделало ТОРҮ более заметным в уличной культуре, что привлекло больше членов, которые основали ещё больше Точек Доступа.

Здесь пролегло чёткое различие между ТОРҮ и Процессом. С самого начала ТОРҮ распространял большинство своих материалов бесплатно. Мы брали на себя расходы на упаковку и доставку. Нам помогали волонтеры, которые занимались перепиской и организацией мероприятий, дизайном и производством ритуальных предметов – а Процесс требовал, чтобы новые члены отдавали абсолютно все свое имущество, что означало полное подчинение и зависимость от культа. В течение первых двух лет существования ТОРҮ или около того, влияние этой постоянной финансовой бреши смягчал доход от публичного лица ТОРҮ – Psychic TV.

На всех наших концертах имелась стойка с товарами ТОРҮ, где продавались агитационные материалы, буклеты, футболки, серебряные украшения, и прочее. Продажами добровольно занимались активисты ТОРҮ, которые отвечали на вопросы и подталкивали заинтересованных к вступлению в ТОРҮ. Изначально ТОРҮ разрастался через привлечение близких друзей и тех, с кем мы уже сотрудничали. Потом он стал распространяться через рассылки, тексты на конвертах пластинок, включавшие наш почтовый адрес, и интервью в журналах, на радио и по телевизору. Во времена Брайтонского ТОРҮ в 1980-х мы искали пути облегчить финансовое бремя, лежавшее на моих доходах от Psychic TV и Temple Records, предложив Точкам Доступа брать на себя больше ответственности за финансирование. Я помню, однажды я сказал на Ежегодном Собрании ТОРҮ GLOBAL, когда представители Точек Доступа и Станций встречались на несколько дней, чтобы поговорить о стратегии, концепциях, новых проектах и сообществах: «Я понимаю, что хотя мы склонны противостоять бюрократическим, монолитным церквям, нам не следует игнорировать

практические идеи, откуда бы они ни взялись. Нам стоит присмотреться к тому, как собирают деньги бюрократические монолитные церкви. Они проводят распродажи, чаепития, ярмарки, барахолки и прочее. Давайте же воспользуемся их методами, чтобы профинансировать свою альтернативу». Через год в Кэмден-тауне каждую субботу и воскресенье работала наша палатка, где можно было купить пластинки, брошюры, ритуальные предметы, футболки, поддержанные книги и одежду, плакаты и изделия членов ТОРҮ. Я всегда вдохновлялся Эмметом Гроганом и Диггерами, и мы стали еженедельно проводить в Брайтоне Палатку Диггеров, где раздавали всё, в чём не нуждались. Мебель, книги, одежда, инструменты, керамика, лампы. Что угодно! Как и у Грогана и альтруистической группы хиппи 60-х The Diggers, у нас была вывеска: «Твоё потому что бесплатно!».

Удивительно, но отдавать вещи было не так-то просто. Люди искали подвох. Кое-кто даже настаивал на том, чтобы дать нам денег. Мы так и не открыли кофейню вроде «Пещеры Сатаны», как у Процесса, но много раз об этом говорили. Мне до сих пор жаль, что нам не удалось последовать этому примеру, поскольку молодые люди явно узнавали о Процессе в основном через эту кофейню на Балфур-плейс. У нас была вторая торговая палатка в Брайтоне, в которой по очереди работали жители дома ТОРҮ – что-то вроде магазинчика поддержанных диковинок. Диггеры настолько глубоко вошли в нашу развивающуюся мифологию, что один член ТОРҮ, постоянно живущий в нашем доме, официально изменил имя на Эмметт Гроган Пи-Орридж! Другой член ТОРҮ, присматривавший за нашим домом, пока мы в Катманду (Непал) работали в бесплатной столовой для тибетских беженцев, нищих и прокаженных, которую мы финансировали из пожертвований членов ТОРҮ, официально изменил/а своё имя на Элис Трип де Гейн, анаграмма к «пирсингованные гениталии». Бедняга Элис был/а той мужественной личностью, которая присматривала за домом Станции ТОРҮ в Брайтоне, когда начались Проблемы, и которой чудовищно не повезло открыть дверь двадцати трём (да, 23! конечно!) полицейским и детективам из Скотланд-Ярда. К чести Элис, он/а сохранил/а верность своей интерпретации идеалов ТОРҮ. Это – еще одна огромная разница между Процессом и ТОРҮ. Первый настаивал на слепом послушании самым бредовым деталям интерпретации Омегой его противоречивых и видоизменяющихся правил и теологии, в то время как ТОРҮ настаивал на разработке собственной теологии и интерпретации текстов, даже если, и даже лучше, если возникали противоречия!

Мы решили, что сигиллы должны быть анонимными, и присвоили каждому имя и номер. Мужчины были Идены, а женщины были Кали. Читая «Любовь Секс Страх Смерть» Тимоти Уилли, мы заметили, что в Процессе фигурируют оба эти имени, но, положив руку на сердце, я сомневаюсь, что их по этой причине выбрали в качестве символа активной синхроничной связи, которую, как мы считали, порождали ритуалы ТОРҮ, поскольку они нравились всем и считались сильно иерархичными. Вместо этого у нас было двадцать три раз по двадцать три, что делало это число *наименее* особенным. У.М. Берроуз сказал бы: насколько случаен случай? Номер называли вслух, например, «Я – Иден Три Два», или «Я – Кали Один Девять», и т.д. Возможно, переименовывать новичков – слишком похоже на Процесс, но для Иденов и Кали главным мотивом была безопасность сигилл. Они хранились на Станциях, их можно было прочесть для своих целей – пару раз те, кто работал на Станциях ТОРҮ, узнавали из сигилл о чужих сексуальных причудах, чтобы соблазнить их создателя, притворившись единомышленником в сексуальной сфере. Любого, кто использовал информацию сигилл для собственных нужд, немедленно отлучали.

Процесс же, часто будучи инструментом манипуляций Омеги, как сообщает нам книга «Любовь Секс Страх Смерть», по-видимому, с помощью новых имен фиксировал свою власть и контроль над последователями и, позже, посланниками. Рвать связи с прошлым через смену имени – обычная техника традиционных культов, она укрепляет чувство принадлежности к особенному, лучшему новому сообществу, обладающему особым знанием, которое приобретается через службу группе и повышает самооценку.

ТОРУ создавался практически как анти-культ. Мы надеялись избежать традиционной методики создания общности через отказ от прошлого. Имена использовались для того, чтобы дать чувство равенства. Через пару лет мы заметили, что на собраниях ТОРУ люди с меньшими номерами задирали нос, подразумевая что-то вроде: «Я был здесь до тебя! Ты Иден 425, а я Иден 10!». Чтобы этого избежать, каждый год мы случайным образом меняли имена, чтобы нельзя было даже подразумевать никакого старшинства или уникальности. Спустя несколько лет деятельности мы всё же решили ради всеобщего блага отмечать самоотдачу и длительность членства. Кроме того, необходимо было признать, что некоторые люди были вовлечены поверхностно, на уровне потребления мероприятий, музыки и продукции, имея лишь пассивный интерес к более глубоким амбициям и стремлениям ТОРУ. Другие регулярно уделяли время для помощи на Точках Доступа и Станциях ТОРУ; еще кто-то на постоянной основе жил в домах в Великобритании, Германии, Голландии и США. И, помимо даже таких постоянно вовлеченных в ТОРУ как образ жизни, были те из нас, кто, в некотором роде подобно Мастерам Процесса, не только постоянно жил в домах ТОРУ, но и сделал ТОРУ своим занятием. Всё, что мы делали, было для проектов ТОРУ и/или проектов, которые напрямую финансировали ТОРУ. Сестра Шедоуз и Брат Вордз руководили Temple Press, где публиковались «оккультурные», как мы их окрестили, книги. Убедительно советуем читателям «Психической Библии» разыскивать и приобретать любые книги Temple Press, поскольку в любой из них можно найти пользу и/или вдохновение. Одна серия книг называлась «Третья степень», чтобы обозначить уровень и ориентированность опубликованной в ней информации.

В Процессе Омега навязывал самодержавие, матриархат и строгое повиновение – не возникает сомнений в том, что тоталитарная система может упростить управление неортодоксальной организацией. Когда-то мы восхищались такими монолитными техниками, но в конечном итоге ТОРУ придерживался как можно более демократичной системы. Я разочаровался в Exploding Galaxy, обнаружив, что пока я беспрекословно соблюдал строгие и требовательные правила аскетизма, титулованный лидер устроил себе спальню, тратил общественные деньги на туфли ручной работы для своей моногамной и постоянной подруги (запрещено), которая, к тому же, пользовалась услугами частного дантиста. Когда я указал на это во время психотерапевтической сессии, меня провозгласили изгоем и отказывали мне в еде, беседе, работе и любом взаимодействии, пока я не ушёл. К сожалению, другой последователь по имени Лимон не выстоял перед таким деспотизмом, у него случился нервный срыв и незадолго до того моего ухода он впал в кататонию. Итак, я был намерен избежать как мелких опасностей коллективной жизни, так и, если это вообще возможно, ужасов авторитаризма. Со временем мы признали, что, приходя в группы вроде ТОРУ или Процесса, люди готовы посвятить себя им на уровне, к которому они готовы и могут принять. Мы разработали для внутреннего пользования таблицу степеней, упрощающих повседневное функционирование все усложняющихся сообществ и организаций. В конце 1980х в ТОРУ, находящемся на своей вершине, числилось около 10 тысяч членов, которые создавали сгиллы и/или поддерживали связь с Точками Доступа в Англии, Шотландии, Голландии, Западной Германии, США, Канаде, Италии, Австралии, Швеции (и Скандинавии). Итак, первую степень получали те, кто вышел на связь и купил Серую Книгу (наша общая концепция и объяснение сгилл и магии); вторую степень давали тем, кто прислал свои сгиллы, даже если их было меньше необходимых 23, активная работа в Точке Доступа и/или создание 23 последовательных сгилл давали третью степень, администрирование Точки Доступа или активность на Станции ТОРУ и/или проживание в доме ТОРУ приносили четвёртую степень, а пятая степень была у тех, кто посвятил свою жизнь и работу таким проектам ТОРУ, как Temple Records и Temple Press, на постоянной основе был старшим администратором Станции ТОРУ и/или руководил Станцией ТОРУ GLOBAL в Брайтоне и нуждался в доступе к секретной информации. Мы никогда не разглашали это широкой общественности или членам ТОРУ, поскольку беспокоились о том,

что это ведёт к элитизму и отдаёт иерархией. В основном мы использовали эти разграничения, чтобы определить, кто будет информирован о документах деликатного характера и/или будет информирован о юридических и медиа-кризисах, когда наш мир разрушался, невероятно похоже повторяя путь, который двадцать лет назад прошёл Процесс!

Жить сообща в ТОРУ было очень весело, это была игра возможностей, в которой мы принципиально серьезно относились к своим мечтам и всегда старались высказать всё, что казалось хорошей идеей. В годы ТОРУ мы начали понимать, что недостаточно просто заикнуться на саморазвитии и «терапии». Что, если удалось реконструировать свое Я и сделать магический взгляд на Вселенную неотъемлемым принципом своего поведения, должно быть что-то ещё. Чем ближе к подлинной реализации, тем лучше Личность осознает свое единство с человеческим видом. В становлении и ориентации как автономного существа неизбежно происходит осознанная реинтеграция в качестве любящей и работоспособной части человечества. Меня всегда привлекал тибетский буддизм – лет с девяти, когда меня освободили от школы по причине болезни, и я прочёл «Семь лет в Тибете» Генриха Харера. Со временем я раздобыл тибетскую трубу из бедренной кости, прекрасную поющую чашу, и другие инструменты, которые звучат на *Themes One*, пластинке *Psychic TV*, вышедшей вслед за *Force Thee Hand Ov Chance* в 1983. В поисках понимания жизни, Вселенной, абсурдной реальности и тайны разумной, но смертной жизни, я стал ездить в тибетский монастырь Самье Линг вместе с семьёй. Достаточно странно (или нет, на мысль о чём может навести история ТОРУ), основателем Самье Линг был Чогьям Трунгпа Ринпоче, который недолгое время был связан с Процессом и, конечно, Берроузом. Позже, в 1991-1992 годах, мне доверили ответственность быть наставником одного из сыновей Ринпоче в Катманду (Непал), чтобы познакомить его с альтернативными системами верований, образами жизни и религиями! Голова кружится от возможных подоплёк такого нагромождения связей! Мне кажется, то, как мой опыт в ТОРУ пересекается и повторяет историю Процесса, имеет некое мистическое значение. Рассуждать об этом бессмысленно. Оставляя в стороне тактику и яркие аспекты, в ТОРУ центральное место занимала система практик, которая в итоге должна была дать нам и личностям схожих взглядов возможность осознанно менять наше поведение, избавиться от негативных заикленностей, стать сосредоточенными и избавиться от психологического багажа. Мне кажется, у Процесса тоже были такие высокие идеалы, хотя бы поначалу. Расходятся наши эксперименты, когда дело доходит до зарождения иерархии, из-за которой, видимо, и распался Процесс, в то время как ТОРУ, несмотря на свои старания избежать появления «лидера» или «Омеги», всё же столкнулся с удивительно сильной жадностью большинства задействованных людей выбрать «лидера», гуру, которого потом возненавидели за то, что у него не было ВСЕХ ответов. Моё сопротивление этому давлению стать номинальным лидером вроде Омеги, и жалобы других личностей о том, что мы стали иерархичны, привели к расколу и породили много зависти, с которой мы раньше ничего не делали, всё стало слишком изматывающим и монолитным, и Станция ТОРУ в Брайтоне разослала по всем адресам загадочные открытки с посланием:

ВПЕРЕДИ ПЕРЕМЕНА ПРИОРИТЕТОВ.

В 1991 узкий круг самых убежденных членов ТОРУ в Брайтоне, имевших пятую степень (самый близкий эквивалент Омеге в ТОРУ) разъезжали по Северной Англии и искали дома на продажу. Каждую неделю в пяти домах в Брайтоне проводились еженедельные упражнения и ритуалы, у нас развилось чувство общности, и мы захотели сделать следующий шаг в коллективном житье. Наше чувство глубокой близости, появившееся в результате «Истории жизни», сеансы телепатии и кое-какие гештальт-упражнений, которые я постепенно вводил, избавляли нас от огромного количества комплексов и неврозов, по мнению нас всех, эффективным, целебным образом. И нами стало овладевать страстное желание идти дальше, с большим старанием обнажать и срывать все предыдущие идентичности и личности. Разумеется, те, кто был готов искать откровения, невзирая на то, сколько их ждет психологической и эмоциональной боли, предложили: пора

найти Большую Усадьбу где-то в сельской местности, достаточно далеко, чтобы находиться в покое и мире, быть в какой-то мере независимыми, и иметь возможность проводить церемонии и ритуалы под открытым небом обнаженными без того, чтобы раздражать соседей и провоцировать СМИ.

Тогда-то пятая степень и почувствовала, что в ТОРУ назревает раскол. К этому времени я регулярно искал в своих архивах и комментариях Процесса решения организационных проблем и новые психологические «игры», чтобы поддерживать интеллектуальное продвижение ТОРУ. На ассамблее ТОРУ GLOBAL в Брайтоне, оказавшейся последней, мы решили обнародовать возникшие проблемы. В отличие от Процесса, который настаивал на том, чтобы адепты передавали ему всё своё имущество, ТОРУ финансировали Temple Records и Temple Press, и в гораздо меньшей степени – всякие торговые палатки. Сообщество росло и на него уходило всё больше наших личных доходов. Пятая степень финансировала ТОРУ, и мы начали чувствовать, что пока мы всё больше работаем, чтобы публикации и мероприятия не прекращали свой ток, большинство превратилось в потребителей, которых приходили исключительно за развлечениями, и беззастенчиво испарялись, когда нужен был тяжелый труд. Пятая Степень предложила к обсуждению эту несправедливость, и столкнулась с неожиданно озлобленной реакцией. Мы предложили, чтобы, после того как мы купим Большую Усадьбу, члены ТОРУ, которые хотели бы жить там на постоянной основе, пожертвовали определенную минимальную часть своего имущества. Нам казалось, что если мы продаем свои дома, чтобы купить здание, достаточно большое для того, чтобы вместить полноценное и работоспособное сообщество, будет справедливо, если извлекающие пользу из нашей веры в ТОРУ тоже заплатят достаточно хотя бы для того, чтобы показать свою искреннюю готовность стать живым образцом нашей идеалистической концепции радикального современного эволюционного образа жизни.

Наша жажда дальнейшего развития столкнулась с невероятным негодованием и финансовым запором. Казалось, всё привлекательное, стимулирующее, волнующее, забавное и *бесплатное* радовало всех и потреблялось радостно и с упоением, но стоит попросить о мизерном пожертвовании на реализацию этого, и вы становитесь «очередным жадным культом», который хочет «нас обобрать», и прочее, не согласовавшееся с тем, как мы видели истину. Это был печальный день. И вдруг подход Процесса стал понятен и поучителен. Наш альтруизм породил иллюзорный образ и ожидания. Нам представлялось, что все так же преданны идее, как и мы, потому что они так говорили, и мы им верили. Мы чувствовали, что раскол, имевший пагубные последствия для Процесса, имел отношение к распределению полномочий в Омеге и, в меньшей степени, к тому, какие во внутреннем круге (кругах) сложились союзы, а также насколько глубока была верность членов Процесса и как она распределялась. Я надеялся «помнить прошлое и стараться избежать проклятия его повторять». Но мы столкнулись с непреклонной позицией и нежеланием уступить. В ретроспективе я вижу, что бунтующие завидовали харизме и уважению, которыми наделяли меня и брайтонский внутренний круг пятой степени. Им казалось, что у нас – более яркая роль, о нас пишут СМИ (в основном агрессивно и недоброжелательно, но молодёжь привлекает дурная слава), у меня был красивый дом и машина. Ничего из этого не дал мне ТОРУ; на самом деле, напротив. Но они, казалось, не в состоянии были постичь, что музыка и искусство, которыми я занимался десятки лет, – тяжелый труд. К концу публичного существования ТОРУ личности второй степени, жившие в георгианском особняке, не платя ни за проживание, ни за коммунальные услуги, опустошили банковские балансы, завели долги на всех счетах, испоганили Детскую, кухни, ванные и много стен, пока Psychic TV были в туре в США, чтобы восполнить те самые ресурсы, к которым им доверили доступ. Вот уж в самом деле точка доступа! Анализ Процесса, нашего пророческого образца, не сулил нам ничего хорошего.

Вместе с тем как финансовый раскол разрушал десятилетнюю преданность, мы считали себя обязанными вынести на обсуждение не новую, но всё более угрожающую проблему

охоты на ведьм в желтой прессе. Я начал сомневаться в том, что упоминать Процесс в качестве тактического образца было мудрым решением, всё шло не так, как надо, и положение становилось зловещим.

Незадолго до того, как я перевёз свою семью из Восточного Лондона в Брайтон, на нас обратили внимание всей страны, когда газета The People опубликовала лживую, злобную, клеветническую и сенсационную статью на всю страницу под заголовком: «МЕРЗАВЕЦ РАЗВРАЩАЕТ ДЕТЕЙ: ПОЛУБОГ СКАРМЛИВАЕТ ФАНАТАМ СЕКС, САДИЗМ И ДЬЯВОЛЬСКИЕ РИТУАЛЫ». Оказалось, что за нами велось наблюдение: знакомых, близких друзей и соседей расспрашивали и запугивали. Тени «Мэйфейрских гипнотизёров» забили в моей голове в набат! Меня (снова!) торжественно провозгласили врагом общества, разрушителем морали заодно с цивилизацией, и сделали удобной мишенью для любого беспринципного журналиста или уличного психа, прикрывающих свою нетолерантность возмущением.

Ещё до моего выступления на TOPY Global в адрес меня и моей семьи снова развернулась кампания по дезинформации и травле. Работавший на почте член TOPY предупредил меня, чтобы я был настороже: «власть» вскрывает и копирует мою переписку. Незадолго до этого предупреждения, полиция устроила облаву на студию тату и пирсинга “Mr. Sebastian’s” и обвинила его и нескольких других мужчин, даже не знакомых между собой, в том, что они организовали «гомосексуальный садомазохистический порнокружок». Их судили в Центральном уголовном суде, где, как правило, судят серийных убийц, шпионов и самых страшных преступников. Это дело стало печально известно как «дело Спэннера». Меня сначала тоже должны были судить, но потом мое имя выпало из списка. Дело вёл судья, в итоге признавший пирсинг и татуировки *преступным* нанесением тяжких телесных повреждений: это обвинение, следующее после убийства, наказывается тюремным сроком до семи лет. Одного беднягу посадили на три года за то, что он проколол собственную крайнюю плоть! Вещественными доказательствами были фотографии, которые он отдал в проявку для собственного пользования. Мистер Себастьян получил максимальный штраф и приговор на семь лет, который смягчили до условного, когда суд узнал, что он умирает от рака. Всех признали виновными, создав в Британии легальный прецедент для привлечения к ответственности любого человека, имеющего или делавшего пирсинг или татуировку. Вот так внезапно в 1991 году моё тело (и тела многих в TOPY) стали нелегальны. Сейчас, всего полтора десятка лет спустя, в это невозможно поверить. На таможнях изымали *Modern Primitives*, известную книгу, изданную RE/Search, которую мы помогали составлять, и в которой упоминались. Очевидно, правая фракция правительства тори в сговоре с влиятельными людьми в полиции решила маргинализировать, наказывать и жестоко разбивать судьбы людей из процветающего гей-сообщества, которое они считали вредоносным и недопустимым, а всех, кто, как им казалось, пропагандирует пирсинг и татуировки – замышляющими подрыв благопристойных семейных ценностей... К ним причисляли TOPY в целом и меня в частности.

Мы знали, что мое имя в последний миг убрали из списка обвиняемых. Но почему? Я пришел к выводу, что за нами всё еще следят, опрашивают людей, и задумался, не значит ли это, что они собираются сделать нам какую-то особую гадость. Обвиняемых в деле Спэннера объединяло одно – они были геями, и этого было достаточно, чтобы объявить между ними связь и выдумать, что они состоят в одном кружке и, следовательно, состоят в сговоре. Ко мне нельзя было прицепить этот ярлык, поэтому меня приберегали для того, чтобы поставить к позорному столбу и прекратить мои развратные похождения!

Одно из побочных действий регулярной сигилизации, а также сеансов телепатии и подобных практик – повышенная способность интуитивно постигать превратности судьбы и варианты дальнейших действий. Я был уверен, что впереди нас ждёт еще одно неприятное столкновение с аппаратом. Поэтому я поднял этот вопрос на TOPY Global. Я предложил усилить бдительность и меры безопасности на встречах: не допускать чужаков к картотекам,

ритуалам, встречам и публикациям третьей степени и выше. К моему огорчению, меня немедленно обвинили в эгоцентризме и тоталитаризме, поскольку я считал мишенью одного себя, а не всех или никого. Личности пятой степени пытались сказать, что, справедливо это или нет, но публика уделяет больше всего внимания фронтмену группы, а поскольку я ключевой основатель ТОРҮ и уже известен национальным СМИ, мне припишут лидерство в ТОРҮ, не спрашивая, что мы думаем по этому поводу. Процесс пытался установить очевидную автократическую власть Омеги, укрытую на тот момент непроницаемой завесой тайны, в отличие от прозрачности и демократичности ТОРҮ. Обе стратегии провалились, когда дело дошло до столкновения с абсолютной аморальностью и лживостью британской желтой прессы. Посмотрите только, с чем до нас столкнулись Алистер Кроули, Оскар Уайлди Квентин Крисп. Из-за отсутствия справедливости прямое наступление на этих журналистов обречено на поражение.

ТОРҮ Global заняли очень воинственную и эмоциональную позицию, и стала очевидна иррациональная обида на тех, кто по любой причине оказался на виду. Личности, изо дня в день работавшие на ТОРҮ, оставались неизвестными и невидимыми, а моя известность в качестве титулованного «лидера» ТОРҮ благодаря их усердной работе становилась всё больше. Я мог колесить по миру с Psychic TV, пока благодаря их труду моих поклонников становилось всё больше. Конечно, в этой формуле было достаточно правды, чтобы питать из негодование и возрастающую нетерпимость к «внутреннему кругу», пятой степени. Единственное, что я мог сделать – заявить о своих честных намерениях – а в ТОРҮ говорится: «намерение – это главное». Я до сих пор считаю, что чистота моих мотивов заключалась в личной незаинтересованности в славе, в принятии ее в качестве необходимого культурного феномена, имевшего и положительную сторону: он приносил доход, благодаря которому мог существовать Храм Психической Юности. Меня практически перекричала стая, которая, очевидно, замышляла некий переворот. Отчасти из-за негативной медиа-кампании, проводившейся в Британии, мы приняли новую стратегию: включить ТОРҮ в местную общественную жизнь. Возможно, нам удалось бы смягчить предубеждение и страх «хорошими делами», чтобы общественность, которой до этого только скармливали страшные истории, понемногу свыклась с нами. Помимо вдохновлённой Диггерами раздачи вещей, в течение нескольких встреч на Станциях ТОРҮ мы наконец-то связались напрямую с моей тайной, но очень важной картой для навигации культа и анти-культа по враждебной популярной культуре: Процессом.

Моя подруга Ив представила меня Тимоти Уилли. Ив знала о моём восхищении Процессом и о том, что я искал истину вместо того, чтобы принять доступные крохи туманной и искаженной доступной информации. В Тимоти я встретил всё, что надеялся, и даже больше, своим холодным умом и острым языком в сочетании с энциклопедическими психоделическими знаниями и применением духовных материй он сразил меня тем же вдохновительным потоком энергии, что и Брайон Гайсин и Уильям С. Берроуз.

Я помню, что в нашу первую встречу я рассказал ему о том, как я с шестидесятых «выслеживал» его и Процесс. Я шутил, но по сути это была правда. Целостная ясность его способа бытия подтвердила, что, несмотря на негативные и болезненные воспоминания, методология и самоотдача Процесса продолжала оказывать на меня конструктивное влияние.

Поначалу Тимоти неохотно говорил о Процессе. Я понимаю, почему, я сам и поныне неохотно обсуждаю ТОРҮ с шапочными знакомыми. За этим стоит боль и разочарование. Мало кто может представить себе, как это, когда на тебя раз за разом нападает не только желтая пресса, но и государство, тебя травит полиция, друзья и враги отворачиваются от тебя из-за лежащего на тебе пятна лжи и намёков на мерзкие тайные занятия и связи.

Тимоти жил тогда в Нью-Йорке, и жертвовал свои средства на изучение инопланетян, ангелов и разумности дельфинов. В Брайтоне был дельфинарий, в котором два дельфина ужасно страдали физически и психологически, находясь в жестоких условиях. Станция ТОРҮ решила попытаться закрыть дельфинарий, каждые выходные пикетируя вход в него,

мирно прося людей не ходить туда, чтобы не оказывать финансовую поддержку истязанию этих сверхразумных существ. Больше года Храм пикетировал дельфинарий в любую погоду, без пропусков, благодаря членам ТОРУ, съезжавшимся со всей Британии и Европы, чтобы присутствовать на пикете, со временем заручившись поддержкой групп защиты прав животных. Psychic TV, Джулиан Коуп, Captain Sensible из The Damned и другие неравнодушные друзья участвовали в наших мероприятиях. Мы выпустили CD под названием KONDOLE (так коренные жители Австралии называют дух кита), чтобы финансировать кампанию. Сочувствующие работники дельфинария, рискуя работой, но не боясь ее потерять, втайне прислали нам информацию о состоянии здоровья дельфинов, чтобы сообщить, что дельфинарий закрывается навсегда! Настоящая магия в теории и на практике! Ага-хан профинансировал транспортировку дельфинов самолётом на реабилитацию в Тёркс и Кайкос. Тимоти Уилли вдохновил нас, а в качестве восхитительного побочного эффекта стал нашим другом и наставником на всю жизнь. Тимоти стал тем, к кому я могу обратиться за пророческим советом. Он уже прошёл через это всё и даже больше, так что во времена одиночества, отчаяния и сомнения я обращался к нему за помощью. Мы оба видели знаки, предвещающие проблемы в моей общественной и личной жизни.

Лама Еше, управляющий Самье Линг в Шотландии, настоятельно посоветовал мне уехать в Непал. Я призвал сообщество Храма Психической Юности пожертвовать качественные, новые и тёплые детские вещи, упаковал их и улетел в Катманду вместе с семьёй. Лама дал нам контактную информацию местного монастыря. Мы собрали детские вещи от членов Храма и поклонников Psychic TV и отправились в путь. Мы стали сотрудничать с монастырем Самье Линг и финансировали из моих средств кухню, где два раза в день давали еду и чистую воду, в Будханат Ступа в Катманду. Иногда к нам приходило до 300-400 тибетских беженцев, прокаженных и нищих в день. В перерывах мы учились и медитировали. Через несколько дней один из монахов предложил мне стать наставником сына Чогьяма Трунгпа Ринпоче! В течение следующих нескольких месяцев я почти каждый день приходил в монастырь, чтобы взять сына Чогьяма в «поход» к храмам Шивы и другим религиозным достопримечательностям для сравнения. Вот это было зрелище, я в чёрной коже и он в оранжевых и шафрановых одеяниях. Внезапно я получил факс: «СЕРЬЁЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ – НЕМЕДЛЕННО ПОЗВОНИ ДОМОЙ». В медиа взорвалась бомба охоты на ведьм.

В субботу 15 февраля 1992 года двадцать три детектива лондонской полиции из отделения по борьбе с грязными публикациями, вооруженные орденом, обыскали мой дом в Брайтоне. Они конфисковали две тонны порнографии, видео и других вещей (африканские барабаны, народные изделия, секс-игрушки). В воскресенье 16 февраля 1992 года в “The Observer” появилась история, озаглавленная «Первое видео-доказательство ритуального насилия». В ней шла речь о том, что у них есть запись «кровавого сатанинского ритуала», который они передали полиции. Небольшие фрагменты этого видео появились в шестидесятиминутной документальной передаче “Dispatches” на Четвёртом канале, в которой журналист Эндрю Бойд заявил, что там «запечатлено насилие над молодёжью в явно ритуальном контексте. Под картиной Алистера Кроули происходят сексуальные и кровавые ритуалы. Очевидные ловушки чёрной магии», пока транслировались неясные, размытые и перекошенные кадры.

Эти заявления подкрепляли показания (якобы) пострадавшей от культа, назвавшей себя Дженнифер, которая в тошнотворных и красочных подробностях рассказала, что это ей делали насильственный аборт для использования в ритуале принесения в жертву(!), и комментарии полицейских и «медицинских экспертов».

В воскресенье 23 февраля “The Independent” смог наконец опубликовать правду: видео, которое называли «первым конкретным доказательством насилия сатанистов над детьми» на самом деле появились девять лет назад. Одно из них было снято для программы испанского национального телевидения “La Edad de Oro» о Psychic TV, другое – в качестве перформанса,

заказанного всё тем же Четвёртым каналом: в них появлялся режиссёр Дерек Джармен, создавший видео о выдуманном культе, чтобы показать, как масс-медиа могут манипулировать восприятием и контролировать реакцию! Приводилась цитата Дерек: «Сначала я был в ужасе, а потом – очень, очень зол оттого, как они извратили сцены из видео. Оно было даже не о насилии над детьми и не об убийстве. Это уже перебор, когда по телевизору силуэт женщины сообщает, что она убила своего ребенка. Никто не заметил неладного?».

В воскресенье 1 марта 1992 года газета “The Mail on Sunday” установила личность таинственной Дженнифер. Луиза Эррингтон, мать двоих детей и бывшая рождённая свыше христианка, *никогда* не состояла в связи ни с кем, кто имел бы отношение к Храму Психической Юности. В 1990 году Луиза пребывала в Ellel Grange, «христианском» реабилитационном центре в Ланкастере, Англия. Теперь цитировались такие её слова: «Местные харизматы оказывали на меня подавляющее влияние. Во многом это были худшие три месяца моей жизни. Они говорили, что я одержима демонами из-за грехов моих родителей, молились надо мной иными языками и говорили, чтобы я посмотрела в лицо своей вине».

Однажды она встретила с духовным лидером христианского культа, Питера Хорробином. Он сказал, что одному из его молельщиков было видение: «Он увидел, как я стою над маленьким ребенком и помогаю дьявольскому жрецу разрезать грудь ребенка, кровь собрали, и мы ее выпили. Тело ребёнка принесли в жертву Сатане». Конечно, у Луизы никогда не было этого ребенка. Она продолжала: «Я кричала и умоляла их прекратить, потом у меня было что-то вроде припадка, и эти христиане держали меня. Я физически дралась с людьми. В конце концов я сдалась и призналась в том, что это правда. Я сказала: ДА! Я сделала это, я убила собственную дочь и помогала другим убивать их детей». Признание этого основного «свидетеля» в передаче “Dispatches” (точно так же, как и других) было порождено кошмарным видением параноидальных, злобных **рожденных свыше** христиан. Из троих свидетелей никто даже не слышал о ТОРУ.

22 марта автор, исследователь и ведущий признался в незаконченном исследовании, дезинформации и полностью сфабрикованных показаниях. Но ущерб уже был нанесен. На нас пала тень дела Спэннера, когда ТОРУ открыто поддерживал Мистера Себастьяна, давая ему деньги, убежище и защиту, и стало ясно, что я стал козлом отпущения для всего, что нарушало в британской культуре установленный порядок вещей и вызывало достойную охотников на ведьм паранойю консервативного государства.

Мне сказали, что если мы вернемся из Непала, полиция нас арестует, на неопределенный срок задержит меня для допроса, а двух моих дочерей заберут под опеку, а потом, скорее всего, будут допрашивать, выискивая доказательства насилия. Полностью ложное обвинение в насилии над детьми обычно заканчивалось тем, что дети оказывались под опекой государства на два года или даже больше, невзирая ни на что. До этого дня нам не выдвигали никаких обвинений. Архив и мое имущество мне тоже не вернули – всё указывает на то, что полиция их уничтожила безо всякой юридической причины.

Нам позвонил наш адвокат и чистосердечно посоветовал эмигрировать из страны ради безопасности своей и наших детей, поскольку кое-кто в Скотланд-Ярде сказал, что они не смогут гарантировать мою безопасность, если я вернусь. Сказанное он растолковал как серьезную, настоящую угрозу от неизвестных, но официально уполномоченных людей. По его мнению, нам сказали держаться подальше или же ожидать «крайней предубежденности». До сегодняшнего дня мысль о том, что нам иносказательно угрожали (кошмар, это даже писать так странно, но речь шла именно об этом) тем, что нас «устранят» с помощью несчастного случая, пропажи без вести, случайного убийства или самоубийства (любое столкновение с защищенной и политически безграничной силой предполагает очень много вариантов), кажется невероятной, хоть и страшной, но смехотворной и чрезмерной реакцией, даже если угрозы не были достаточно прямыми и серьезными. И, как потом отмечали люди,

то, что нас считали такими разрушительными, и достаточно организованными, чтобы заслужить особое внимание, было большим комплиментом ТОРҮ. Само собой разумеется, имея двоих прекрасных детей, мы не раздумывали долго над решением не возвращаться в Британию, чтобы защищать себя от клеветнической кампании в СМИ и, если потребуется, в судах. Это решение подтверждалось знанием: такие значительные фигуры, как Кроули, Крисп и Уайлд, испробовали эту тактику и проиграли. Поэтому нужно было разработать другую стратегию, не спеша рассмотреть, какие варианты были в нашем распоряжении. Я отправился за советом к Дзонгсару Кхьенце Ринпоче и тибетским монахам, с которыми мы работали в столовой для нуждающихся, которую мы финансировали. Он сказал: «Отправляйся в Америку». Индуист, агхори-баба, сказал то же самое. Я был в смятении от поворота событий, и хотя я знал, что Дзонгсар даст правильный совет, потребность в подтверждении привела меня к агхори-баба Паглананда, давшему мне представление об их малоизвестном пути (см. интервью для *Gnosis*), и я задал ему тот же вопрос:

– Я теперь изгнанник, я беженец, куда мне отправиться?

– В Америку! – ответил он, от души смеясь, а на его груди подпрыгивал Психический Крест из чистого золота, подаренный мной. Бывают времена, когда перед нами стоит простой выбор, как бы мы ни надеялись на более неоднозначное спасение от судьбы.

В один из классических магических моментов, которые начинают часто происходить с человеком благодаря регулярным ритуалам и концентрации внимания, я сидел в номере отеля в Катманду, раздумывая, куда податься, и бездумно возился с нераспечатанным письмом, которое я привез из Англии. Оно было от Майкла Горовица, архивиста доктора Тимоти Лири, который писал: «Если тебе понадобится убежище, позвони мне по этому номеру». Я позвонил, и он немедленно предложил нам с семьёй пристанище в его доме в Петалуме. Я вернулся к тибетскому Ринпоче, и, пошутив, что мы все теперь беженцы, отдал ему остававшиеся у меня пять тысяч долларов на то, чтобы установить в его монастыре маленький водяной электрогенератор, иначе они сожгли бы все деревья вокруг, приведя к экологической катастрофе. Это было актом веры в магию и истину. Я оставил ровно столько, сколько нужно, чтобы добраться до Калифорнии. Я снял со своих карт всё, что мог, и знал, что в Англии не осталось ничего, даже если бы у меня был доступ к сбережениям, в чём я очень сомневался. Отдав тибетцам пять тысяч долларов своих накоплений, я оказался практически без гроша. Но тибетцы, управлявшие отелем «Ваджра», предложили нам остаться в нем бесплатно на любой срок в награду за месяцы «хороших дел», а наши билеты в Америку были в итоге оплачены *Wax Trax Records*.

«Дома» сообщество ТОРҮ, которое я предупредил об этом, распалось. Только члены пятого круга пошевелились, чтобы помочь, поддержать или публично высказаться в мою защиту. Остальные прятались или даже злорадствовали, не замечая иронии. И вот я оказался изгнан в Америку, подобно Процессу и практически по той же причине, из-за узколобости, косности и зашоренности серых приспешников унаследованного богатства и власти.

Я вижу, как Процесс подвергся такой же иррациональной кампании, нацеленной на то, чтобы его разрушить, разорить и сломить волю его членов за то, что они имели наглость построить логическую систему, включающую имена Иеговы, Сатаны, Люцифера и, позже, Христа. Оглядываясь назад, я понимаю, что, как Храм Психической Юности по недомыслию недооценил негодование, которое вызовет включение сексуальности в его миссию, так и Процесс недооценил лицемерие и зашоренность аппарата, включив в свой пантеон Сатану и Люцифера. И кто бы мог подумать, что, несмотря на шумные шестидесятые с их освобождением от запретов и гнета, эти устаревшие понятия по-прежнему будут вызывать такой фурор? Я часто размышляю о том, что могло бы произойти, если бы в качестве символов личностных свойств не использовались эти красные тряпки для болванов. Оставила бы жёлтая пресса Процесс в покое? Продолжал ли он бы развиваться, пока не стал общепризнанным, как другие культы вроде мунитов, сайентологов и прочих? Судя по всему, особенной стратегической проблемой оказалась отсылка к Сатане. Но мы должны задать себе

вопрос: почему? Почему некоторые концепции, вроде «Сатаны» или открытого включения оргазма и сексуальности в экспериментальный поиск более многогранного и порядочного образа жизни заставляют политиков, священнослужителей и журналистов называть меня, например, «разрушителем цивилизации», или писать в национальной газете, что меня «следует сковать цепями, посадить в клетку и выбросить ключ»? Вряд ли эта книга прямо ответит на этот вопрос. Но помните, что под нашей обыденной светской культурой кроется страх перед неизвестным в сочетании с коррумпированной властью и мрачной, параноидальной политикой сохранения любой ценой власти привилегированных кругов, давно ставших ненужными. Свобода мысли, самостоятельно разработанная этика и пытливый ум в сочетании с альтруистической верой в потенциал положительного развития нашего человеческого вида могут пролить свет на обеднение и разложение общества. Сначала подвергли остракизму и заставили выехать в США Процесс, а в 1991 году мы с семьёй тоже были вынуждены эмигрировать из-за своей полной самоотдачи и веры в Храм Психической Юности.

Джозеф Брейер Пи-Орридж, Нью-Йорк, 2008